

Александр Торин

Ангел смерти

Copyright © 2003 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

1.

Когда я заканчивал десятый класс, у сестры, живущей в пенале общежития МГУ, подошла многолетняя очередь на университетский кооператив в Теплом Стане. В апреле у нее родилась дочка.

Сестре хотелось купить трехкомнатную квартиру, но в те годы молодой семье с одним ребенком положены были только две комнаты. Не помогли ни кандидатские льготы, ни письма в исполком. Тогда решено было, что бабушка пропишется у любимой внучки под предлогом ухода последней за престарелой. А заодно и с правнучкой помощь выйдет.

Так мы перевезли бабушку в Теплый Стан. До сих пор помню служебный ГАЗик, в который погрузили два потертых чемодана. Бабушка прощалась с пенсионерами, обитавшими в нашем доме, в кабине стоял запах пряных стариковских духов. Потом – кольцевая дорога, девятиэтажна, аромат свежей краски в подъезде и показавшаяся мне огромной квартира на восьмом этаже. Сразу за домом уходил к Юго-Западу лесной массив, справа пробивался сквозь дымку университетский шпиль.

У меня появилась собственная комната, в которой можно было слушать музыку, курить и читать до рассвета.

Бабушка на новом месте так и не освоилась. Она привыкла к дому, в котором прожила почти пятнадцать лет, к соседям, обоям, трещинам на потолке, отдаленному гулу электричек. При каждом удобном случае она выбиралась в гости, жаловалась на духоту и давку в автобусах, общалась с соседями-пенсионерами и расхваливала наш микрорайон.

– Все-таки, – говорила она, – район у нас зеленый. Я так люблю липы, тополи. А у них что? Посадили между домами три деревца, – презрительно морщилась старушка. – Ни тени, ни прохлады, один бетон!

– Но мама, – раздражалась мать. – Скажи спасибо, что вообще деревья посадили, это же новый микрорайон. И потом, грех тебе жаловаться, выйдешь из подъезда – и сразу же лес.

– Да разве это лес? Темный какой-то, весь заросший. Вот у нас лесопарк – красота, сосны, канал.

– Мама, если бы ты знала, как я устала от твоих сентенций.

– Не сердись, – соглашалась бабушка. – У старых людей свои причуды. Я люблю эту квартиру, – она мечтательно закатывала глаза. – Надеюсь я, что доживу свой век здесь, вместе с Сашенькой.

– Мальчик поступил в институт. Ему надо заниматься. И вообще, у него теперь своя жизнь.

– Ну и пусть занимается, – мило улыбалась бабушка. А я бы сидела с вами тихонько в комнате, смотрела телевизор. Разве я вам мешаю? Ведь как раньше было хорошо, какие фильмы замечательные. «Семнадцать мгновений весны». «Следствие ведут знатоки». А теперь такую дрянь снимают, смотреть нечего!

– Я пойду, схожу в овощной. – Отец начинал тихо закипать.

– Да, у нас картошка на исходе, – соглашалась мама. – И репчатый лук не забудь. Знаешь что, сходил бы ты в овощной на Фестивальной, там как-то снабжение получше. На прошлой неделе к ним морковь завезли и кабачки, Алевтина Петровна в пятницу три кило притащила.

– Вот и отлично, я тогда в хозяйственный загляну, – ворчал отец. – А то у меня сверло затупилось.

– А мы с Сашенькой прогуляемся, – улыбалась старушка. Помнишь, как в пятом классе мы изучали созвездия....

Пропали выходные. Прощайте институтские мои друзья, мудрый буддист Гера с бородкой и рыжеволосый Толик, обладатель уникальной коллекции записей группы «Куин». Прощайте, девочки, красное вино, сигареты. И ты, Таня, прощай. Прости, если сможешь... У каждого из нас в шкафу припрятан скелет прошлых грехов, обязанностей и долгов. А по долгам надо платить...

2.

А вообще-то, взрослые зря думают, что малые дети ничего не понимают. Они понимают все без исключения, а в первую очередь – хрупкость окружающего их мира. Поскольку хрупкость эта угрожает существованию их детской оболочки, пахнувшей манной кашей, мокрой от снега шубой и коммунальными коридорами.

Когда я был еще совсем маленьким, отец оказался на должности, которой мог позавидовать любой мало-мальски обладающий деловой жилкой человек. Его тогда назначили главным врачом СЭС. Для неграмотных: СЭС – это СанЭпидемСтанция. Что-то вроде Юнеско пополам со Всемирной Организацией Здравоохранения.

Ерунда, конечно. Но вот одна мелкая деталь: СЭС эта была бывшего Свердловского района Москвы. В подчинение ее входили все увеселительные и питательные организации столицы, включая чертову кучу центральных ресторанов. «Славянский Базар», «Арагви», и прочая, и прочая.

Когда мне было пять с небольшим лет, родители взяли меня в кино на фильм про доктора Айболита-66. Вместо доброго человека в белом халате, кормившего бегемотиков гоголем-моголем, на экране кривлялись злодеи-бармалеи, время от времени тонущие в болотной тине. Нормальные герои всегда идут в обход. Родители хохотали, а мне было скучно.

Потом волшебство закончилось, при ярком дневном свете город был все тем же, пахнущим бензином, бесконечными улицами, и подгоревшей кухней. Запахи лука и томатной пасты будоражили воображение, и я начал хныкать.

- Есть хочу.
- Сейчас, приедем домой. – Бормотал отец.
- Давай пойдем куда-нибудь. У нас дома есть нечего, надо продукты покупать и готовить. Ну в конце концов, раз в несколько лет можем мы себе позволить...
- Ну хорошо. Только дорого выйдет.
- Ну на один день хотя бы, давай забудем об этом. Ну пожалуйста...

*

Только теперь я понимаю, какие высочайшие эмоции овладевали директором того самого «Арагви». при виде отца с женой и сыном.

- Какие люди, какие люди, – суетился он. Люба! – глаза его, казалось, в ту же секунду вывернутся из орбит.
- Что, Атос Авагенович?
- Люба... Сколько раз я тебе говорил, стелить на столики новые скатерти. Но-вы-е. Я по-русски понятно объясняюсь?
- Понятно, Атос Авагенович.
- Так ты меня понял, Люба?
- Поняла, Атос Авагенович. Но вы же сами вчера сказали...
- Люба!
- Все поняла. Шашлычку?
- Папа, папа, шашлычку...
- Тихо ты! Вы, Атос Авагенович не волнуйтесь, мы здесь просто так, с семьей зашли...
- Да разве я не понимаю, дорогой! Семья – самое главное, у нас говорили: жена и сын как лоза, посаженная с любовью. Для вас все самое лучшее, как для Черчилля, клянусь мамой! Люба! Приготовь отдельный кабинет!
- В котором Черчилль обедал?
- Тот занят. Нет, приготовь Цэковский.

- Атос Авагенович, неловко как-то. Нам бы обычный столик.
- Никаких возражений, дорогой. Ты у нас почетный гость, и семья твоя... Семья и семья от одного корня, понимаешь?

*

Долма мне не понравилась. Шашлык был вкусный, но жесткий. Хлеб, правда, пышный, горячий. А вообще, лучше бы мы в тот ресторан не ходили.

– Ты сам хорош, герой. Принципиальный весь из себя, а что сын твой живет в подвале тебе наплевать.

– Замолчи!

– Это ты молчи. Посмотри, что делается вокруг. Все твои дружки живут в центре, в кирпичных домах.

– Я не продавался, и продаваться не буду!

– Зато я теперь понимаю, почему твоя первая жена ушла к адмиралу.

– Все, – взревел отец. – Я больше не могу!

– И я тоже не могу. Идиотизм имеет границы. Мы живем в прогнившей стране и должны как-то жить. Да, не смотри на меня с ненавистью. Я не могу больше сидеть в этом коммунальном подвале, пахнущем плесенью, понимаешь?

3.

– Вот оно как, – рассуждала мама, закутав меня в шубу. Да, в том июне в Москве выпал снег, так бывает в жизни. Снег был холодным и мокрым, станция железной дороги совершенно гадкой и склизкой. Улицы кирпичного квартала, построенного в конце войны – темными и зловещими. – Ты думаешь, я права? Нет. А зачем? Хочется жить по-человечески. Уходит жизнь, мне уже тридцать пять лет. Но ты, Саша, скажи. Когда мы к бабушке приедем улыбнись и скажи: «Свалились, как снег на голову». Она растает. Мне это сейчас просто-таки необходимо... Тем более, что бабушка наша тоже сложный экземпляр. Господи, за что мне все это, почему я не родилась в крестьянском срубе, и не видела жизнь, как она есть, в суровом чередовании рождений и смертей. Но ты все равно не поймешь. Ты про то, что бабушке сказать надо помнишь?

– Как снег на голову, – пробубнил я.

Про снег на голову я как раз понимал. На платформе шел снег, падал, таял, растворялся в свете прожектора.

И когда мы прошли по «Институтскому». проезду к улице «Октябрьской». и увидели куцые балконы, мне не оставалось ничего, кроме как расплыться в идиотской улыбке трехлетнего пацана, и сказать:

– Бабуль. Свалились, как снег на голову. Папаня от нас уходит. Не сроднились они душевно. Пиздец, короче.

Так всегда говорил Коля из нашего двора, а он знал, что делает, ему было лет восемь, или даже девять, и мы боялись его как огня.

– О, Господи, Марина, чему ты научила ребенка! Что за ужасный блатной жаргон, вы так теперь разговариваете? – бабушка начала рыдать.

– Саша! – Мама начала плакать. – Где ты это услышал...

– Меня уже ничего не удивляет. Мальчик останется у меня.

– Мама. У нас сложный этап. Потом, эти соседские дети.

– Знаешь что, Марина, разбирайтесь. А ты пока отдай мне внука.

4.

А я ведь понимал, что к чему. И, проснувшись на следующий день, поежился на сундуке и спросил:

– Ты моя бабушка?

– Угу.

– А кто мой дедушка?

– Какая тебе разница?

– Ну все-таки, ну пожалуйста, ну скажи!

– Ленин.

– Ты серьезно? – Я смотрел на нее голубыми глазами и думал об Инессе Арманд. – Так ты тоже Арманд?

– Дурачок, – засмеялась старушка. – Твой дедушка родом из Ярославля, лежит в Петрозаводске. Блокада его доконала. Но расписаны мы с ним не были, бумаги наши были не в порядке. Есть хочешь?

– Угу.

– Я кашу сварила. Поешь. Потом можешь поиграть во дворе. И чувствуй себя человеком.

– Человек – это звучит гордо, – вырвалось из меня.

– Наследственность, однако. Далеко пойдешь, – согласилась бабушка. – Иди, Саша, погуляй. Я устала.

– Я тоже устал, – согласился я.

– А ты от чего?

– От бессмысленности жизни. Так папа говорил.

– Какое совпадение... Господи, за что мне это?

– За грехи, – так всегда мама говорила.

– Ну, у кого грехов больше ангелы небесные разберутся.

– А это кто, ангелы?

– Ну, такие поросшие перьями кентавры. Как на картине. Господи, такой симпатичный был, все ко мне приставал. Вокзал какой-то расписывал.

– Бывает, ба. – Сам не знаю, откуда проснулся во мне инстинкт самосохранения. – Спать-то где буду?

– Здесь, на сундуке. Я одеяло подстелю.

– И буду я спать на сундуке этом четыре с половиной года. Я, собственно, не против. Город этот будет вечным, и время тоже вечно, и мертвые живы, они сидят на лавочках возле дома, они ждут творога в магазинах. И сгущаются тучи на горизонте, и пахнет прибитой к земле пылью, и воробей в истоме клюет гусеницу, и первый секретарь исполкома забрасывает удочку в пруд, и рождественские морозы, и драконы Комоду в «Клубе кинопутешественников». с лысым Сенкевичем. Нет, тогда Сенкевича еще в природе не было, а был странный старик с забытой фамилией вроде Штрилица, который изобрел пионерскую организацию. А все это было под Новый, тысяча девятьсот шестьдесят седьмой от рождества Христова год.

5.

Утро в той шестиметровой комнате наступило внезапно. Рассвет взорвался цыганским хохотом, и сосредоточился на картине Куинджи. Фарфоровая тарелочка, лунная ночь.

– Айда на пруды!

– Темная ночь, только пули свистят по степи...

– Орешника за новую метлой.

– Давайте убирать снег и докажем, что мы, ученики второго класса пятой школы, достойны звания...

– Значит вы с Галей в одном классе учитесь? А я слесарь. Да, вот заказ Новогодний дали. Колбаску. Хочешь?

– На этом острове малина была сладкая. Вот мы и плавали туда-сюда, девчонкам ягоды...

– Господи, милая, зачем он тебе? Лысый дурак, ничего из себя не представляет. Я уверена, он просто хочет получить Московскую прописку.

– Ну мама, я его люблю!

Мокрые наволочки. Все-таки бабы дуры.

А потом появился симпатичный баптист-Володя, из шляхтичей. У него была хорошая улыбка. И на его удочку клевали бычки. И наволочки высохли.

6.

На лестнице пахло влажной плесенью.

– Серега! Серега! Это полный финиш!

– Молодой человек, вы, надеюсь, имеете в виду грядущий концерт Генделя в зале Чайковского?

Это Александра Николаевна, бывшая старая дева, уверенная в том, что она была любовницей маршала Блюхера. В ее комнатке пахло валерианкой и бумагой от бесконечных томов Большой Советской Энциклопедии.

Никогда в своей жизни не строил я столь изощренных снежных замков, как в том городке. Рыцарские башенки соединялись подземными туннелями, ступени вели к покрытым льдом горкам, и фехтование огрызками Новогодних елок образца 1967 года считалось проявлением рыцарства.

Еще эти елки любили жечь посреди двора. И как-то незаметно наступила весна, а потом и лето.

Бабушка была озабочена какими-то бумагами, которые она складывала в толстую папку с тесемками. А мне приглянулся щенок на колхозном рынке. Стоил он пять рублей, скорее всего, хозяину не хватало на пару бутылок водки, но дешевле он щенка не отдавал.

Я мечтал о собаке. сторожевой, конечно, но сошла бы и дворняжка.

– Дядь, – в десятый раз спрашивал я мужичка. – Почем щенок?

– Пять рублей, сказал.

– А за рубль отдашь?

– Ишь, чего придумал...

– Очень собачку хочется.

– Раз хочется, ты бы каждый день по копеечке откладывал. Глядишь, за год три шестьдесят две и скопил ... – Мужичок сглотнул слюну. – И на квас бы три копеечки осталось.

– А за три шестьдесят две отдашь?

– Отдам, – уверенно сказал мужик, а щенок начал скулить.

Я помчался к бабушке.

– Бабуль, дай три шестьдесят две. Прошу тебя.

– Так, это интересно. Откуда такая сумма?

- Там щенок, на рынке. У него глаза, ты себе не представляешь. Он будет нас любить.
- В коммунальной квартире. А ты соседей спросил?
- Ну и что, бабушка, ну купи его, пожалуйста. Он добрый, он такой, как я всегда себе представлял.
- Нет, внучек. Это исключено.
- Тогда ты самая бездушная, жестокая и плохая! Я так хочу собаку, я....
- В таком случае – убирайся! Возьми у соседа удочку и пошел вон, чтобы я тебя не видела до вечера! Лови рыбу на прудах. Когда вернешься – попросишь прощенья. Понятно?
- Понятно, ба. – Мне стало стыдно. – А у кого удочку взять?
- У Виктора Васильевича, известное дело. Забыл, как он тебя водкой напоил?

7.

Тот вечер в коммуналке я помню, как вчерашний день. Бабушке надо было куда-то срочно убежать, и меня сдали на хранение соседям – Виктору Васильевичу, рабочему заправочной службы аэропорта «Шереметьево», и Анне Васильевне, необъятной, пышущей жаром газовой сварщице, словно сошедшей с полотен Кустодиева.

В комнате у соседей было сумрачно. Справа стояла широкая кровать с кружевным покрывалом и неизменными никелированными шишечками, чуть подальше – стол, тоже покрытый кружевной скатертью, а напротив – буфет с невообразимым количеством всяческих фарфоровых статуэточек и вышитых платочков. Над буфетом возвышался вырезанный из дерева орел весьма хищного вида.

У Анны Васильевны начиналась газосварочная смена, и вскоре я остался один на один с Виктором Васильевичем. Полюбовавшись некоторое время резным орлом, я занялся делом – начал катать по кровати машинку, но вскоре зацепил и потянул нитку из кружевного покрывала.

– Эх ты, вредитель – укоризненно обратился ко мне Виктор Васильевич. Большой же уже мужик, а покрывало испортил. Анька ругаться будет, что я ей скажу?

Мне стало неловко, и, кажется, я даже решил всплакнуть.

– Да не расстраивайся ты так, – махнул рукой Виктор Васильевич. – Бабы – они все такие, все им салфеточки, балериночки. А нам, мужикам, много ли надо? – С этими словами он достал из буфета бутылку водки, и немедленно выпил.

После третьей рюмки настроение соседа заметно повысилось. Он шутил, трепал меня по голове, обращался ко мне не иначе, как «мы, мужики». Потом Виктор Васильевич налил рюмку прозрачной жидкости и протянул ее мне.

Я покачал головой. Что-то говорило мне о том, что дядя Витя поступает неправильно, и дети не должны пить взрослую водичку.

– Да чего ты головой трясешь, мужик ты, или нет?

Я зажмурился, взял рюмку из его рук, и залпом выпил, точно так же, как делал дядя Витя.

Водка была горькой и обожгла рот.

– Вот это по нашему, – обрадовался дядя Витя. – Вот это настоящий мужик. Молодец, Санек!

Надо ли говорить, что в голове у меня зашумело. Орел иронично выгнул голову и пошевелил своим деревянным крылом, готовясь взлететь. Фарфоровые статуэтки начали двигаться, комната поплыла перед глазами. Стало очень тепло, даже жарко.

Очнулся я уже в нашей комнатке, бабушка ругалась с Анной Васильевной, а Виктор Васильевич сконфуженно бормотал что-то про мужскую солидарность.

*

– Виктор Васильевич, здравствуйте!

– О, гвардеец! Привет. Ну, смотри-ка, вытянулся, повзрослел. Настоящий мужик, скоро в армию пойдешь.

– Витя, да что ты несешь. Ребенок еще в первый класс не поступил. Какая армия?

– А ты молчи, Анька. Молчи!

– Виктор Васильевич, а бабушка сказала, что у вас есть удочка.

– Конечно есть, от Сереги осталась. Он ведь, родимый, на учениях сгорел в танке. Помнишь, Санек, «Броня крепка и танки наши быстры». Какой красавец был, девки по нему сохли.

– Витя, – Анна Васильевна внесла в комнату кастрюлю с чем-то ароматным и наваристым.

– А что. Мужик, он и есть мужик. Отдал жизнь за Родину. Любка из пятого дома все приходила, то на новый год торт, то на девятое мая коньячку. Эх, Серега...

Дядя Витя открыл сервант и налил хрустальную рюмочку.

– Витя, – нерешительно застонала Анна Васильевна.

– Тебе больше не предлагаю. Потому как мал еще. – сурово сообщил Виктор Васильевич и выпил.

– Значит так. Удочкой этой еще Серега на прудах удил. Уж каких он карасей таскал – полкило, а то и больше. Золотистых и серебряных. Иди, Санек. Червей знаешь, где лучше всего копать? За станцией, там старые бревна лежат, копнешь – червь там хороший, красный. Рыба на него сразу бросается. ..

– Спасибо, дядя Витя, – я выбежал на улицу...

В тот день я поймал трех золотистых карасиков и с десятка бычков. И до сих пор мне снятся камыши около берега, заброшенная усадьба, дубы, полузатопленный островок и лесная тропинка, поросшая орешником.

8.

С тех пор прошло больше десяти лет. Почти что каждые выходные бабушка приезжала в гости. С девяти до половины десятого вечера она активно комментировала программу «Время», не оставляя без внимания ни одного события текущей международной обстановки и неизбежной битвы за урожай. В половину десятого старушка уходила в ванную, бурча себе под нос сложные мелодии своей молодости. Могу поклясться, что из-за крашеной бежевой краской двери доносился и «Шелковый Синий Платочек», и «Боже царя Храни», и «Врагу не сдастся наш гордый Варяг». Около десяти часов бабушка ложилась спать и мучила меня разговорами, сводившимися к одному: как хорошо было раньше, когда я был маленьким, как ей нравилось жить со мной, провожать меня в школу, и как ей пусто и неуютно жить у сестры.

Серьезно все это вряд ли можно было воспринимать – все предыдущие годы бабушка рассказывала мне, какой замечательной, послушной, талантливой и золотой медалисткой была моя сестра, и с каким ужасным внуком, неряшливым, обманщиком и троечником ей теперь приходится мучиться.

В начале одиннадцатого начиналось самое страшное – на сон грядущий бабушка раздражалась нравоучительными сентенциями о преимуществах социалистического строя, и жаловалась на то, что ей не хватает общественной нагрузки и родного партийного участка, состоящего из впадающих в маразм пенсионеров.

Я стонал. Мне хотелось курить, на носу был очередной экзамен, срывалась вечеринка с приятелями, а я лежал с открытыми глазами и выслушивал весь этот бред.

Я вспоминал, как в пионерском детстве изощренно издевался над старушкой. Помню, как однажды пошел за молоком, позвонил домой из телефонной будки, и скорбным голосом сообщил, что говорит новый секретарь парторганизации ЖЭКа Андрей Семенович. И что к завтрашнему числу бабушке поручается составить список членов ее участка с указанием

полных анкетных данных: фамилия, имя, отчество, год рождения, год вступления в КПСС, льготы, участие в Великой отечественной войне, и так далее...

– Хорошо, хорошо, – озабоченно покашливала бабушка. Вернувшись домой я обнаружил ее с зеленой школьной тетрадкой, в которую она аккуратно переписывала имена и явки.

В другой раз я записал на магнитофон истошные крики: «Бабушка, помоги, спаси! Меня заперли в шкафу». Выбрав подходящий момент, я включил пленку, запер шкаф на ключ и спрятался под кроватью. Бедная старушка всплескивала руками, пыталась открыть шкаф и бегала по комнате, пока не услышала истерический хохот.

Бабушка вступила в партию в конце шестидесятых. Мне часто казалось, что для нее это было чем-то вроде ширмы, дымовой завесы, застилавшей действительность и дающей возможность выжить в придуманном мире отчетно-перевыборных собраний и членских взносов. Иногда наркотическая дремота отступала, и бабушка на день-другой становилась адекватной.

Мама объясняла это непоправимым ущербом, нанесенным клеткам головного мозга во время блокады Ленинграда.

Партийность бабушки носила несколько пикантный оттенок – происхождение у нее было самое что ни на есть белогвардейское, а в минуты редкого просветления она вспоминала вечера, проведенные в обществе Деникина и Врангеля.

9.

Так продолжалось несколько лет. Я уже закончил институт и начал работать, племянница скоро должна была пойти в первый класс, а бабушка начала сдавать. Однажды она заблудилась в метро, уехала к черту на кулички и добралась домой поздним вечером в смятенном состоянии души. Мы переполошились, и с тех пор бабушку приходилось сопровождать – отговорить ее от поездок никому не удалось.

Помню один из ее визитов, когда мне пришлось взять старушку от сестры в душном июльском метро.

– Когда-то мы с тобой здесь гуляли. Надо же, как деревья выросли, ничего не видно. Надо мне Екатерину Гавриловну из второго подъезда проведать. Она ведь одна живет, сын на войне погиб.

– Ба, она ведь уже два года, как умерла, ты забыла?

– Как умерла? – Бабушка посмотрела на меня непонимающим взглядом. – А почему мне ничего не сказали?

Я отвел глаза. Спорить с бабушкой было бесполезно, она уже начинала путать времена и события – верный признак медленного угасания сознания. Впрочем, грех было жаловаться, в свои 82 года она еще свободно передвигалась.

Вечером – традиционный чай с вафельным тортиком, телевизор, альбом со старыми семейными фотографиями.

Часов в пять утра меня разбудили громкие всхлипывания. Казалось, плачет ребенок, и я в ужасе проснулся.

Плакала бабушка. Она лежала в кровати с мокрыми щеками.

– Ты что, ба? Что с тобой?

На улице светало, бледный свет пробивался сквозь занавески.

– Ничего. Все хорошо. Ты спи, я тебя разбудила? Замучила я вас всех, признавайся?

Меня поразила необычная четкость речи и свет, идущий из ее глаз. На секунду мне даже показалось, что глаза эти стали молодыми, как на старенькой фотографии девушки в длинном платье.

– Да нет, что ты.

– Я ведь все знаю, иногда кажется, что живу, как во сне. Просыпаюсь и вижу все четко-четко.

– А почему ты плачешь?

– Ты все равно не поверишь... Смеяться будешь...

– Не буду, клянусь. Что случилось?

– Ко мне прилетал ангел смерти и коснулся лица крылом.

– О, Господи, ба. Еще этого не хватало!

– Да, я чувствовала его прикосновение. Крыло у него было мягкое и теплое. Щекотно. И совсем не противно. Я в детстве всегда во время службы смотрела на ангелочков в церкви и жалела их – бедные, как же должно быть неудобно с крылышками.

– Это был просто сон, бабуль. Спи.

– Я видела маму, отца и брата. Они были молодыми, стояли около нашего дома и звали меня. А я, казалось, лечу. И потом мама сказала: как мы по тебе соскучились, а отец взял меня на руки, как в детстве и прижал к себе. От него пахло табаком и одеколоном, я за эти годы впервые вспомнила этот запах. И мне стало так хорошо, что я заплакала.

– Ба, тебе просто приснился хороший сон, – слезы неожиданно выступили у меня на глазах, я сел на кровать и погладил ее. – При чем здесь ангел смерти? Чушь какая-то.

– Мне точно так рассказывала бабушка, незадолго до ее смерти. Ее звали родители, а потом она почувствовала теплое крыло на лице, как будто ангел поднимает ее в небеса.

– Ерунда, это просто сон. И потом, ты же член КПСС, веришь в исторический материализм, и прочее, – мне вдруг стало неловко за свое ерничанье.

– Странно все это. Я сейчас, Сашенька, закрою глаза, вдруг я их еще увижу...

– Спи... – Почему-то мороз прошел у меня по спине. Мне показалось, что бабушка сейчас умрет, прямо здесь, рядом со мной.

– Нет... Ушли. – Бабушка открыла глаза. – Как жаль...А ведь я забыла мамино лицо. Если я скоро умру – не плачьте, может быть я увижу их.

Я вышел на кухонный балкон и закурил сигарету. Воздух пах той особенной свежестью, которая бывает на рассвете в лесу: росой, травами и влажной хвоей.

Вдалеке застучала колесами первая электричка. Я вернулся в комнату. Бабушка заснула и слегка похрапывала.

За завтраком все было по-прежнему. Бабушка, казалось, забыла о ночном видении, присила добавить молока в кофе, подавилась бутербродом и долго полоскала горло соком столешника.

Прожила она еще три дня.

10.

Несмотря на поздний час, воздух на эстакаде аэропорта был влажным и горячим. Я чертыхнулся – тропики не подходили моему организму, мечтавшему лишь об арктическом воздухе, сером небе и вечных дождях.

Эстакада была пуста, если не считать нескольких такси, за рулем которых дремали колоритные тонтон-макуты в черных очках. Зачем им ночью нужны были черные очки – оставалось загадкой. Не знаю, почему я назвал их тонтон-макутами, впрочем, через пару дней выяснилось, что почти все водители такси в этом городе действительно были выходцами из Гаити. Такая у них была местная Гаитянская мафия.

Я ненавидел дальние поездки. Одинаково бездушные города, залы гостиниц, пахнущие синтетическими коврами и жидким кофе, повторение одного и того же, навязшего в зубах мотива. Даже в Новом Орлеане я умудрился не съездить в Французский квартал – был уже, и не один раз, на улице жара и черного цвета инопланетяне, надоело и ненавижу.

Кондиционер в такси не работал. Жизнерадостный водитель открыл окно, и я неожиданно почувствовал озноб. Что-то не так было в этом влажном воздухе, пахнущем болотными испарениями.

– Гребанные тропики, – процедил я сквозь зубы и предался мизантропическим размышлениям о тяжкой доле белого человека.

Город полностью соответствовал моим ожиданиям. Неприглядные хибарки, мобильные дома вдоль автострады постепенно сменились городским предлеском. Тут и там мелькали больницы, банки и страховые конторы. А вот и чаща – вымерший деловой центр с редкими группками подозрительных личностей у подножия небоскребов, а в центре этого центра – зеркальная башня-гостиница с подсвеченным разноцветными прожекторами фонтаном.

–И раз, и два, – я судорожно сунул водителю деньги, схватил сумку и вбежал в прохладу кондиционированного воздуха. Добравшись до своей комнаты, я первым делом сорвал промокшую от пота одежду и залез под холодный душ. Душа постепенно возвращалась в уставшее тело.

За окном гостиничного номера светился огнями город – многоэтажная стоянка для автомашин, почти пустая в этот поздний час, частокол небоскребов с неоновыми вывесками, и уходящий в бесконечность ряд светофоров. В ушах еще слегка звенело после череды взлетов и посадок, совершенных за прошедший день.

Хотелось есть. Как и следовало ожидать, все рестораны и кафе, располагавшиеся в цокольном этаже гостиницы уже были закрыты. Заказывать обед в номер было лень, тем более что выбор в меню предлагался скромный – гамбургер и чизбургер. Чертыхнувшись, я лег спать.

Заснуть мешали отблески неоновой рекламы за окном, шум лифта, шуршание кондиционера. Я то погружался в забытие, то ворочался на кровати, с тоской понимая, что утром буду уставшим и вялым.

Меня преследовал навязчивый полусон-полубред, который иногда снился мне вот уже много лет. Я должен куда-то улететь, не могу найти билеты на самолет и паспорт, чувствую, что опаздываю, но почему-то разбираю бумаги на столе. Потом спохватываюсь и понимаю, что чемодан мой не собран, что времени до отлета рейса осталось двадцать минут, и даже гоночная машина не домчит меня в аэропорт, но все равно еду, кидаясь к стойке регистрации. Я вдруг оказывался то в Лондоне, то дома у родителей, и мама радовалась тому, что я неожиданно приехал. Но через десять минут мне снова надо было уезжать, я торопился, судорожно обнимал ее, объяснял, что опаздываю, умолял простить, но она обижалась. И все повторялось снова, – гонки, опоздания, пропущенные рейсы с неизвестной никому целью. Я сам не знал, зачем куда-то спешу. Лучше бы я сидел на кухне, зажатой между холодильниками «ЗИЛ». и «Минск»., подсушил сигареты над газовой горелкой, заварил кофе в старенькой турке...

Около четырех утра я проснулся от сильного озноба. Болело сердце, чего со мной никогда не бывало. Кровать была мокрой от пота.

– Черт бы все побрал, – сон не отпускал меня. – Да, хорош я буду завтра...

Мне предстоял доклад в 8 утра, потом черед совещаний и гнусная необходимость улыбаться и поддерживать деловые и дружеские связи со множеством нужных людей. Я сел на кровати и закурил сигарету, пытаюсь унять дрожь. – До чего все-таки бессмысленная жизнь. Погоня неизвестно за чем, с непонятной целью. Пришло в голову, что западный человек не задумывается об этом, восточный принимает жизнь как данность, и только мы, живущие посередине цивилизаций, и все в таком роде.

Докурив сигарету, я лег и закрыл глаза, без особой надежды на сон.

11.

Я до сих пор не знаю, что это было. В забытии я видел себя, лежавшим под простыней и фиолетовый луч света, шарящий по стенам и нащупывающий мое тело. В ушах отвратительно

зажужжало, как бывает, когда тебе сверлят зуб и вибрация вдруг проникает в мозг. Руки и ноги мои отнялись, и мне показалось, что сердце останавливается.

– Нет, – содрогнулся я, и вдруг увидел дом, освещенный тусклым светом, будто пробивавшимся сквозь дымку.

На веранде в плетеном кресле сидела молодая бабушка в длинном платье, точь в точь, как на старой фотографии из детства. Она удивленно посмотрела на меня, будто я свалился с неба, и от испуга привстала.

– Зачем ты пришел? Что-нибудь случилось? Что-то плохое, скажи мне!

– Я сам не знаю. Где я?

– Уходи. Возвращайся скорее, а то будет поздно!

– Как давно я тебя не видел...

– Уходи!

Я проснулся от сдавленного крика. Казалось, большая птица пролетела в комнате, и лица моего коснулось теплое крыло. Я явственно чувствовал щекотку от перьев, задевших верхнюю губу. Губа была сладкой, я облизнул ее и понял, что это кровь.

Меня трясло. Пытаясь вернуться в реальность, я подполз к окну и увидел, что на многоэтажной стоянке появляются первые машины. За окном светало, рекламы начали тускнеть.

– Сад камней. Пустая вселенная. Огромный туалет цивилизации. Пустые города. Эти люди боятся потерять работу, приходят в шесть утра и вкалывают, вкалывают, как муравьи на просеке. Зачем. Зачем?

Я понял, что громко кричу. В ушах снова начало жужжать. Покачиваясь, я добрался до ванной и окунул голову под кран.

– Хорош, нечего сказать, – в зеркало на меня смотрела отекающая, небритая харя с синяками под глазами.

Горячая ванна сняла озноб. В семь утра я уже сидел в галстук и пил кофе, а в восемь ничем не отличался от своих коллег, разве что русским акцентом. И улыбался и раздавал визитные карточки, стараясь не думать о прошедшей ночи.

В подсознании я гадал: сколько мне осталось? День? Два? Потом тряс головой и объяснял все накопившейся усталостью, тяжким наследием прошлого и ночным кошмаром.

12.

Через три дня я в очередной раз пересек американский континент. Полет проходил без особых приключений, разве что на подходе к аэропорту пилот объявил о незначительных технических неполадках, но заверил пассажиров, что никакой угрозы безопасной посадке нет. На всякий случай попросил не нарушать правила безопасности и не отстегивать ремни безопасности до полной остановки самолета.

Приземлились мы мягко. На бескрайней парковке аэропорта я потерял свою машину и минут двадцать бродил по рядам автомобилей, в отупении пытаюсь найти свой серенький микроавтобус.

Дома произошло знаменательное событие: увидев меня, дочка сделала несколько своих первых в жизни шагов и отчетливо крикнула «папа», попросившись на ручки.

Я крепко обнял ее и подумал, что от меня пахнет табаком и лосьоном для бритья «Сьерра-Невада». Неожиданно, я увидел в лице дочурки черты молодой бабушки, подмигнувшей мне с плутовским выражением лица. Мне ничего не оставалось, как подмигнуть ей в ответ.

И вдруг почудилось, что чья-то теплая ладонь коснулась моего лба.

.oOo.